

В третьей главе «О церковной реформе» приводится своеобразный план церковной реформы. Автор пытается понять старообрядчество как явление, чтобы решение вопроса о старообрядчестве было согласовано с требованиями православия и государственности. Например, он рассуждает о первенствующей позиции обряда в ряду разных народностей [2, с. 243]. Не мог автор обойти стороной размышления о государственной и церковной власти. Именно в этой части сборника размещена «Всепогоднейшая записка единоверцев о старообрядческой самостоятельной иерархии» написанной в августе 1864 года [2, с. 328]. В ней он собрал все доводы для утверждения своей правоты.

В заключительную главу сборника вошли статьи, посвященные частным вопросам, и переписка разных лет. Но и в этих работах Иоанн Верховский возвращается к вопросам старообрядчества. В сборнике встречается переписка со старообрядцами, в которой к нему обращаются как к защитнику старой веры и ревностному богослову единоверцев [2, с. 561].

Немалая роль в привлечении внимания к единоверию принадлежит работе Верховского «Послание, поднесенное высокопреосвященному Платону, митрополиту Киевскому и Галицкому, председателю собора русских архиепископов, в Киеве, в сентябре 1884 г.». В данном послании отец Иоанн выступил в защиту старообрядцев. Главная идея заключалась в том, что не церковь принимала бы раскаявшихся раскольников, сочувственно разрешая им отправлять службы по старым книгам, а сами раскольники, соглашаясь принять от церкви иерархию, делали бы ей поблажку, как раскаявшейся и признавшей, наконец, спасительность отправления службы по старым книгам и по старым обрядам.

Таким образом, данный источник, подкрепленный светскими законами и указами церковных властей, помогает проследить процесс оформления и изменения единоверия.

1. Верховский, Т. А. Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / Т. А. Верховский. – Том III : профессор Александр Павлович Лопухин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaia-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskiy-slovar-tom-tretij-vaal-vjacheslav/172>. – Дата доступа: 14.03.2023.
2. Верховский, И. Т. Труды / И. Т. Верховский. – СПб. : Издательский проект «Квадривиум», 2014. – 880 с.

Короневский В.И. ЛЕГЕНДА О ПАРАСКЕВЕ ПОЛОЦКОЙ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ИСТОЧНИКАХ XIX – НАЧАЛА XX В.¹

В полной загадок истории Полоцкого княжества особняком стоит таинственная фигура Параскевы Полоцкой. Согласно источникам XVI в., в которых Параскева впервые упоминается, она была представительницей рода полоцких князей и игуменией Спасского монастыря, а перед смертью отправилась в паломничество в Рим [10]. Первым видным историком, который заинтересовался связанными с ней сюжетами, был еще М. Стрыйковский, предпринявший безуспешную попытку найти подтверждение легенде о княжне в Риме [20, с. 242–243]. В XVII–XVIII вв. с опорой на житие св. Евфросинии Полоцкой и на собственные представления об истории местного христианства легенду неоднократно излагали и дополняли различными деталями базилианские и иезуитские авторами: А. Вижок-Коялович, И. Кульчинский, И. Стебельский и ряд других [17; 21; 23]. В их произведениях образ Параскевы оказался наделен многими чертами, изначально присущими преподобной Евфросинии, но переработанными в католическом духе. Так, Параскева якобы оказывалась не только преемницей Евфросинии на должности игумении монастыря св. Спаса, но и официально канонизированной святой (что, по мнению А. Вижок-Кояловича, произошло еще в XIII в. на Втором Лионском соборе [21, р. 19]) – причем, разумеется, святой Католической церкви, а не Православной. Приписывались ей, подобно Евфросинии, и обладание драгоценным крестом, который, однако, будто бы прислал ей сам римский папа [21, р. 19], и уже упомянутое выше паломничество, конечной точкой которого вместо Иерусалима оказывался Рим. Таким образом, спустя два столетия после первого упоминания о Параскеве Полоцкой в исторических источниках легенда о ней оказалась насыщена новыми деталями, сближающими ее одновременно и с житием св. Евфросинии, и с католической традицией.

В современной историографии легенда о Параскеве исследована чрезвычайно неравномерно. Если вопроса о ее возникновении и бытовании в XVI в. в той или иной мере касались многие авторы [3; 15; 18], то дальнейшая история развития представлений о Параскеве практически не изучена. Данная работа призвана хотя бы отчасти пролить свет на судьбу легенды в Российской империи XIX – начала XX вв.

Наиболее ранним из оригинальных источников XIX в., в которых встречается упоминание о Параскеве Полоцкой, является одно из писем воссоединенного Полоцкого архиепископа Василия

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)".

(Лужинского) К.С. Сербиновичу, брату игумении Спасского монастыря Евфросинии (Сербинович), от 18 июля 1841 г. Архиепископ, отправившийся в Москву и Петербург для популяризации св. Евфросинии в столичном обществе и сбора средств на восстановление полоцкой обители, вез с собой крест преподобной. Однако в письме к К.С. Сербиновичу он мимоходом упомянул, что везет в Петербург и другую местную реликвию, «крест Преподобной Параскевии, найденный у монахинь василианок Полоцких» [12, л. 5 об.]. По всей видимости, ни сам архиепископ, многие годы посвятивший делу укрепления православия в Полоцке и не питавший особой любви к католицизму, ни его собеседник, тоже выходец из униатской среды, воспитанник Полоцкой иезуитской академии, сделавший к тому времени успешную карьеру в Петербурге, не видели в этом ничего необычного. Для Василия реликвия, связанная с Параскевой, была абсолютно нормальной святыней, заслуживающей почитания почти в той же степени, что и крест преподобной Евфросинии.

Следующий интересный источник, в котором много внимания уделяется Параскеве, был создан в 1854 г., однако так и не был опубликован и до наших дней дошел в рукописи, хранящейся на сегодняшний день в РГИА. Речь идет о написанном еще одним бывшим униатом К.А. Говорским «Историческом описании Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря». Автор помещает Параскеву в ряд игумений полоцкой обители, спокойно ссылаясь на И. Стебельского и И. Кульчинского. От той версии жизнеописания, которая изложена в трудах упомянутых базилиан, повествование К.А. Говорского отличается только одной деталью: исключением из биографии Параскевы тех деталей, которые сближали ее образ с католицизмом и на которых обычно акцентировали внимание авторы XVII–XVIII вв. [11, л. 199 об. – 200]. Позицию К.А. Говорского вполне проясняет одна из его статей, опубликованных спустя девять лет. В разгар восстания 1863 г. публицист занялся «опровержением мнения папистов», согласно которому «пр. Евфросиния и Параскевия, княжны Полотские, и многие другие, преставившиеся в эту эпоху и причтенные к лику святых, были католики» [2, с. 36–42]. Горячо отстаивая принадлежность не только Евфросинии, но и Параскевы к православию, К.А. Говорский довел до логического конца традицию отношения к фигуре легендарной игумении, сформировавшуюся в среде бывших униатов, перешедших в православие после 1839 г. Склонный воспринимать в штыки популярное в католических кругах мнение о принадлежности св. Евфросинии к католицизму, он пришел к уверенности, что и культ Параскевы изначально существовал в рамках православной традиции, а затем будто бы был «присвоен» католиками.

Временем, когда сюжет о Параскеве окончательно вышел за границы Полоцка и прочно закрепился в нарративах, созданных за пределами белорусских губерний, стали 1880-ые гг. Так, когда в 1880 г. в Москве свет увидела вторая часть первого тома «Истории России» Д.И. Иловайского, ставшая впоследствии весьма популярной, в ней со ссылкой на все тех же И. Стебельского и К.А. Говорского присутствовало упоминание о Параскеве [5, с. 106]. В изданный спустя два года третий том «Живописной России», посвященный белорусско-литовским землям, сведения о Параскеве включает А. Киркор [6, с. 294]. Но наиболее показательным является факт проникновения легенды о Параскеве в самую популярную во второй половине XIX в. версию жития Евфросинии Полоцкой, автором которой являлся член полоцкого православного братства протоиерей Михаил (Дубровский), который, подобно К.А. Говорскому, воспринимал Параскеву как одну из православных игумений, управлявших полоцкой обителью после смерти св. Евфросинии [8, с. 16–17].

Тем не менее, период благополучного существования легенды о Параскеве в русскоязычных источниках подходил к концу. В 1888 г. свет увидели несколько работ [13; 14] витебского историка А.П. Сапунова, в которых исследователь привел веские аргументы в пользу того, что такой человек как Параскева Полоцкая никогда не существовал в реальности, а легенда о ней была создана католиками для помещения в свою систему координат популярного культа св. Евфросинии Полоцкой. Хотя доводы историка не сразу обрели широкую известность, к рубежу 1890-ых – 1900-ых гг. его усилия дали свои плоды. Показательно, в частности, эволюция переизданий жития Евфросинии, написанного Михаилом (Дубровским): в первом, втором и третьем изданиях, вышедших в 1885, 1887 и 1894 гг. соответственно, сюжет о Параскеве присутствует, но уже четвертое издание (1903 г.) выходит с пометкой «исправленное и дополненное» и не содержит ни единого упоминания о «преподобной Параскевии» [9]. Примерно тогда же, в 1896 г. аргументы А.П. Сапунова дополнил киевский историк В.Е. Данилевич, также считавший легенду о Параскеве выдумкой католиков [4, с. 241–244].

Параскева была окончательно вытеснена из русскоязычного нарратива в 1909–1910 гг., во время подготовки к церемонии перенесения в Полоцк мощей преподобной Евфросинии. В 1909 г. в «Церковных ведомостях», официальном печатном органе Синода, вышла статья о святой княжне, значительная часть которой была посвящена опровержению легенды о Параскеве. Придумавшие ее католики, по мнению автора, ставили себе цель «поколебать веру не только в святость преподобной Евфросинии, но даже и в действительность ее подвигов и жизни, а затем доказать, что Россия, прежде начала унии, была в соединении с Римом» [16, с. 1220–1224]. Показательно, что это упоминание о Параскеве в ис-

точниках 1909–1910 гг. – единственное. С этого момента выхода упомянутой статьи русскоязычные авторы житий св. Евфросинии и историй Спасо-Евфросиниевского монастыря предпочитали впредь игнорировать легенду о Параскеве, воспринимая ее сугубо негативно.

Тем не менее, хотя в начале XX в. Параскева практически исчезает из русскоязычных источников, упоминание о ней попадает в изданную в том же 1910 г. «Кароткую гісторыю Беларусі» В.У. Ластовского [7, с. 14] и, в дальнейшем обретает новую жизнь в трудах некоторых белорусских авторов XX в. [1].

1. Гарошка, Л. Сьв. Еўфрасія-Прадслава / Л. Гарошка. – Парыж : Выданьне Беларускае Рэлігійнае Місіі, 1949 г. – 79 с.
2. Говорский, К. А. Опровержение мнения папистов, будто бы пр. св. Евфросиния и другие древние св. угодники Русской церкви были унияты / К. А. Говорский // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. 4. – Кн. XI. – С. 36–42.
3. Гудмантас, К. «Житие» Парасковии-Пракседа в литовских летописях / К. Гудмантас // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье: доклады российско-литовского семинара. Вильнюс, 28-30 марта 2011 г. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2013. – Р. 196–214.
4. Данилевич, В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич – К. : тип. Имп. ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1896. – 260 с.
5. Иловайский, Д. И. История России / Д. И. Иловайский. – Т. 1. – Ч. 2. – М. : Типография П. Лебедева. – 578 с.
6. Киркор, А. Очерк IV. Исторические судьбы Белорусского полесья / А. Киркор // Живописная Россия. Т. 3. – СПб., М., 1882. – С. 289–316.
7. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Вільня : Друкарня Марціна Кухты, 1910. – 126 с.
8. Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой / Михаил (Дубровский), протоиерей. – Полоцк : Типография Х. Клячко, 1885. – 34 с.
9. Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой / Михаил (Дубровский), протоиерей. – Витебск : Губернская типография, 1903. – 27 с.
10. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – Т. 17 : Западнорусские летописи / С. Л. Пташицкий, А. А. Шахматов – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1907 – 648 с.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 834. Оп. 2. Д. 1758.
12. РГИА. – Ф. 1661. Оп. 1. Д. 936. Л. 5 об.
13. Сапунов, А. П. Католическая легенда о Параскеве, княжне полоцкой / А. П. Сапунов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – №14. – С. 1–29; № 15. – С. 31–45
14. Сапунов, А. П. Крест, приписываемый Параскеве, княжне полоцкой / А. П. Сапунов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – № 15. – С. 45–49.
15. Філіповіч, М. А. Полоцкая земля в літопісных та актовых джерелах XI–XVI століть / М. А. Філіповіч. – К. : НБУВ, 2014. – 204 с.
16. Я. Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая / Я. // Церковные ведомости. – 1909. – №27. – С. 1216–1226
17. Kulczynski, I. Specimen ecclesiae Ruthenicae / I. Kulczynski. – Romae : H. Casterman, 1773. – 351 p.
18. Semianchuk, A. Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarusian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century / A. Semianchuk // Studia Białorusinistyczne. – 2020. – № 4. – Р. 11–32.
19. Stebelski, I. Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty śś. panien i matek Ewfozyny i Parascewii zakonnic i hegumenij. T. 1. / I. Stebelski. – Lwów : Xieggarnia Zelmana Iгла, 1866. – 185 s.
20. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi / M. Strykowski. – Т. 1. – Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glucksberga, Księgarza, 1846. – 392 s.
21. Wiiiuk Koiiałowicz, A. Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lithuaniae Ducatu pertinentium / A. Wiiiuk Koiiałowicz. – Vilnae : Typis Academicis, 1650. – 140 p.

Кашенко С.Г., Никитина Н.П.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г. В ПРИГРАНИЧНЫХ С БЕЛОРУССИЕЙ УЕЗДАХ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на значительное количество публикаций, посвященных её изучению, остается в центре внимания историков-аграрников. В настоящее время в отечественной исторической науке присутствуют различные оценки последствий данной реформы от крайне положительных до довольно критических [9; 12]. При этом следует отметить наличие целого научного направления, ориентированного на исследование крестьянской реформы с помощью методов математической статистики и компьютерного анализа. В данном контексте хотелось бы представить исследование, целью которой является анализ экономических последствий реализации крестьянской реформы 1861 г. в Псковской губернии. При этом мы решили совместить два подхода компьютерно-статистический и традиционно-описательный. В качестве территориальных рамок исследования были выбраны уезды, граничащие с территорией Белоруссии, а именно Островский, Опочецкий, Великолукский и Торопецкий. Описание особенностей проведения реформы 1861 г. в Псковской губернии уже нашли свое отражение в исторической науке [5; 7; 8; 10]. Вместе с тем, анализ экономических последствий реформы на приграничном с Витебской губернии пространстве не осуществлялся. В качестве источников нами использовались данные уставных грамот, материалы уездных съездов мировых посредников.

Характеризуя экономическое положение Псковской губернии, в 1861 г. губернатор Муравьев отмечал, что сельское хозяйство является одной из основных отраслей экономики, при этом Псковский, Порховский, Островский, Опочецкий и Новоржевский уезды являются льнопроизво-